

Л. В. Левшун

МЕТАФОРА vs СИМВОЛ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ КАНОНЕ ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(к вопросу об адекватности интерпретации средневековых произведений)

В соответствии с представлениями современной когнитивной семантики метафора является одним из наиболее продуктивных средств создания языковой картины мира. Вплетаясь в концептуальную систему отражения реальности, метафора называет явления невидимого мира в соответствии с национально-культурными традициями. Метафоры представляются моделями/алгоритмами, по которым человек классифицирует окружающую действительность, думает и действует.

Совсем по-другому происходит в христианской культуре. Согласно ее художественному канону мир воспринимается отнюдь не как метафора, но как цельный и вполне адекватный образ-символ Творящего Слова, где символ следует понимать в его исконном значении – греч. *συνβάλλω*, соединяю, держу вместе. Как заметил протоиерей А. Шмеман в своей известной работе «Евхаристия. Таинство царства»: «Исконная “функция” символа не в том, чтобы изображать (что предполагает отсутствие “изображаемого”), а в том, чтобы являть и приобщать явленному. Про символ можно сказать, что он не столько “похож” на символизируемую реальность, сколько причастен ей и потому может ей реально приобщать. <...> В нем... две реальности – эмпирическая, или “видимая”, и духовная, или “невидимая”, соединены не логически (“это” означает “это”), не аналогически (“это” изображает “это”) и не причинно-следственно (“это” есть причина “этого”), а эпифанически (от греческого *ἐπιφάνεια* – являю). Одна реальность являет другую». Создаваемые на основании такого типа рефлексии художественные образы-символы являются собственно реалистическими, а потому вводят реципиента в высшую Реальность изображенного, в которой и сам он видит себя в истинном (данной Реальности!) свете, и где поэтому происходит его (и мира вокруг него!) преобразование по закону данной Реальности. «Все это символы в реалистическом смысле этого слова, – писал о такого рода образах В. Лосский в своей работе «Очерк мистического богословия Восточной Церкви», – вещественные средоточия, в которых присутствует Божественная энергия, соединенная с человеческим искусством... вещественные знаки присутствия духовного мира <...> нечто большее, нежели простое представление, обращенное к нашим чувствам и напоминающее нам о реальностях духовного порядка <...> посвящение в таинство, раскрытие реальности, всегда в Церкви присутствующей». Именно отсюда проистекает духовно-преобразовательное действие «правильных» молитвы, проповеди, иконы, а также заговора, величания и т.п., хотя реальности у них, разумеется, разные.

Однако это происходит лишь когда реципиент адекватен предмету созерцания и изображения. Например, естественной, или даже неизбежной символичностью и проникнут весь поэтический строй созданных согласно

художественному канону Slavia Orthodoxa молитвословий св. Кирилла Туровского, поскольку «Молитвы на всю седмицу» нацелены на приведение адресата к доступной ему Истине. Именно такой специфический предмет изображения вызывает сквозной символизм молитвословных текстов, поскольку принципиально не может быть вербализован иначе, как только через символический образ: «плотскими похотьми облекохся», «от детска уязвена вражьими стрелами», «светом заповедей Твоих просвещая разумней мои очи», «поработихся похотному бесу» и т.п. Видимая метафора здесь – на самом деле вид символического изображения, разумение которого приводит к Истине спасения. В христианской антропологии физические болезни и раны суть признаки/проявления духовных болезней: всякого рода телесные недуги и жизненное неблагополучие в целом воспринимались как непосредственные следствия духовного неблагополучия (греховности). Поэтому книжник, работающий в христианском художественном каноне, вполне естественно, чтобы не сказать вынужденно, описывает духовные недостатки через образы физических болезней, увечий, травм и т.п.: «исцели болезнь сердца моего, уврачуй струпы душа моя». А поскольку грех в христианской культуре воспринимается и объясняется как поражение в борьбе с дьяволом, то также естественно приводимые св. Кириллом многочисленные образы «порабощения» и «работы дьяволя»: «волею поработихся похотному бесу», «да не до конца обymeть мя темный князь жаданием плотским» и т.п.

Правомерно ли считать такие образы метафорами? Ведь в проверочной оппозиции троп/не троп второй компонент здесь всегда отсутствует и возможна лишь оппозиция троп/другой, синонимичный троп. Это вполне реалистические описания реальных же явлений и ситуаций, которые благодаря точно сформулированному диагнозу актуализируются в индивидуальном опыте каждого из молящихся.

Другим примером явления (а не изображения) духовной реальности в художественном символе может служить короткий фрагмент проповеди преп. Евфросинии Полоцкой, сохранившийся в ее Житии.

...А нивы ваша во едину меру стоят, не растуще ни поступающе горе, а год приспевает во свершение и лопата на гумне лежит (ср. Мф. 3:10, 13). Но боюся, егда будет плевел в вас и предани будете огню негасимому. Потщитесь, чада моя, убежати сих всех и сотворитесь пшеница чиста, и смелитесь в жръновах смиреннем и молитвами и постом, да хлеб чист принесетесь на трапезу Христову.

Этот, казалось бы, насквозь метафоричный отрывок являет свои глубочайшие смыслы, только если воспринимать его на адекватном ему языке христианского канонического образотворчества – символического реализма.

В приведенном фрагменте очевидны два смыслоформирующих концепта: *хлебная нива*, долженствующая возрастать, и *чистота* как особого рода выделенность из земного бытия (здесь: отделенность от «плевел», которые подлежат огню). Оба концепта отсылают, прежде всего, к понятию *святость*, которое в восточнославянской средневековой культуре объединяет в себе как минимум два семантических поля. Первое, как отметил

В. Н. Топоров в своем труде «Святость и святые в русской духовной культуре», активизирует элемент *k'uen-to- (*k'uei-to- и т.п.), который «обозначал возрастание (набухание)... некоей внутренней плодоносящей силы...». Второе отакает значения семитского корня *kdéu* (*kdsh* – букв. святость, священность), связанного с такими значениями, как ‘выделить’, ‘очистить’, ‘объявить что-то неприкосновенным’ и являющегося атрибутом Ягве. Общение христиан в Таинствах (моментах явления Божия Царства в земном хронотопе) свидетельствует об особом положении христиан, которых ведь не случайно апостол именуется «родом избранным», «народом святым» (1Пет 2:9), святыми (ἅγιοι = агии). Несоответствие между призванностью быть «народом святым» и отсутствием стремления к святости (*нивы ваша во едину меру стоят*) приведет в *огонь негасимый*, уничтожающий все нечистое, то есть все, не принадлежащее Царству Христа и Жизни во Христе. Об этом и предупреждает сестер духовидица-игуменья.

Последняя фраза приведенного отрывка также очень характеристична. Это – тоже не метафора, а образ-символ, являющий метафизическую Реальность. Агии есть Тело Христово, причем во всей его полноте – то самое, Которое приносится под видом Хлеба в Бескровной Жертве на каждой Евхаристии. Жить, как это понимается в христианстве (источник жизни – Бог, и отпадение от Бога есть небытие), – собственно и значит быть частью Тела Христового. Но принадлежать Ему можно, только очистившись и освятившись через труд духовного возрастания/преображения.

Таким образом, смысл приведенного отрывка, несмотря на кажущуюся метафоричность, очень конкретен и буквален: игуменья являет сестрам их нерадение об очищении/освящении, тогда как времени для этого каждому человеку выделено немного (*год приспевает во свершение и лопата на гумне лежит*), и вводит их (пусть на мгновение) в нормальное для христианина-агия состояние – *быть хлебом чистым на трапезе Христовой*.

Если же изображаемое превосходит способность понимания ее реципиентом, автоматически возникает метафора: к примеру, в произведениях «нового агиографического стиля» XIV–XV вв., созданных митр. Киприаном, Епифанием Премудрым, Пахомием Сербом, привычная и понятная проза жизни описывается информативно и лаконично, в стиле «сдержанной эмоциональности» или «эмоциональной умиротворенности» (Д. С. Лихачёв), но как только агиограф касается предметов неудобопонимаемых, стиль изложения становится усложненно метафоричным – «плетением словес», или (по Д. С. Лихачеву) «риторически-панегирическим». Буквально ту же закономерность наблюдаем в произведениях Платона; о ней говорили, в частности, Дионисий и Деметрий Фалерский: о вещах рассудочных Платон рассуждает «просто и бесхитростно <...> он точен <...> пренебрегает всякими затейливыми украшениями <...> в его сладкозвучии нет пустозвонства, а в его изысканности – театральности» (Дионисий. «Послание к Помпею», II. 758–759); но как только Платон касается вещей духовных, не до конца понятных ему самому, то сразу появляется у него «выспренность поэтических украшательств».

Таким образом, можно сказать, что метафора является следствием и свидетельством эмпирического лишь (то есть неполного, усеченного) восприятия реальности; восприятие же онтологическое порождает образ-символ, который, тем не менее, может восприниматься неподготовленным реципиентом как метафора.

Л. М. Надумович

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ОБЩЕСТВЕ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ

(на материале терминологической лексики экономики и бизнеса)

Многообразие экономических и социальных процессов в современном мире, их связь с другими процессами, происходящими в обществе, влияет на систематизацию представлений о структурах и тенденциях развития российской и мировой экономики, теоретические основы и закономерности функционирования экономики переходного периода. Новые принципы принятия и реализации экономических и управленческих решений, в свою очередь, ориентируют на решение конкретных организационных ситуаций, освоение специальной экономической и управленческой терминологии понятийного минимума.

Еще одна проблема – освоение русским языком интернациональной терминологии. Без знаний принятой во всем мире предпринимательской терминологии и внутрифирменной системы финансовых показателей невозможно осуществлять коммуникацию с иностранными партнерами и приобщаться к опыту финансового менеджмента, накопленному западными промышленниками и банкирами за многовековую историю рыночной цивилизации. В частности, это обусловило процесс вытеснения исконных лексем иноязычными.

Наблюдающийся «терминологический взрыв» (С. В. Гринев-Гриневич), в полной мере касающийся экономической области знания, приводит к постоянному расширению ее понятийного аппарата, т.е. «качественные исторические изменения характера научного познания сопровождаются постоянным количественным ростом как складывающихся терминологий, так и объема всей специальной лексики».

Современный подязык экономики развивается в двух основных направлениях: теоретическом (с точки зрения развития терминологической базы, соответствующей современному уровню фундаментальных знаний науки экономики) и практическом (с учетом возможности использования знаний в прикладных целях). Динамичное развитие данного пласта лексики в значительной степени меняет весь «облик» экономической терминологии. Бесспорным является факт непрерывного пополнения периферийного сегмента специальной лексики экономического подязыка, который также требует унификации.

Необходимо учитывать и сложившуюся языковую ситуацию, при которой английский язык занимает главенствующее положение благодаря не